

10188

10856
III

1135

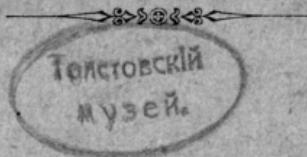
Graf Leo Tolstoi und der Heilige Synod.

ГРАФЪ

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

и

Святъйшій Синодъ.

БЕРЛИНЪ.

Издание Гуго Штейницъ.

1901.

Berlin, Hugo Steinitz Verlag.

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ
и
СВЯТЪЙШІЙ СИНОДЪ.

ГРАФЪ

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

и

Святейший Синодъ.

БЕРЛИНЪ

Издание Гугго Штейницъ

1901.

1523

Содержаніе.

Предисловіе	7
Отлученіе отъ церкви Л. Н. Толстого	9
Письмо графини С. Толстой къ оберъ-прокурору и митрополитамъ	17
Отвѣтъ Л. Н. Толстого Синоду	23
Возраженіе Сергія, ямбургскаго епископа, Л. Н. Толстому	43
Отвѣтъ В. Скворцова Л. Н. Толстому	63

Предисловіе.

25-го февраля 1901 г., неожиданно для всего цивилизованного міра, Святѣйшій Синодъ опубликовалъ отлученіе отъ церкви Л. Н. Толстого. Отлученіе отъ церкви имѣло въ виду моральное уничтоженіе этого безспорно лучшаго человѣка современного человѣчества, „великаго писателя земли русской“. Непосредственно послѣ отлученія Л. Н. графиня С. Толстая напечатала открытое письмо къ оберъ-прокурору синода и митрополитамъ съ точки зрѣнія церкви. Л. Н. напечаталъ Отвѣтъ Синоду, въ которомъ онъ всей мощью своего таланта разоблачилъ церковь и ясно и свободно повторилъ еще разъ основные принципы своего пониманія христіанства и жизни. Этотъ замѣчательный отвѣтъ былъ напечатанъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

и нашелъ широкое распространеніе въ самой Россіи, что и вынудило синодъ напечатать этотъ отвѣтъ, за опущеніемъ однако всѣхъ мѣстъ, направленныхъ противъ обрядности православной церкви, въ іюльской книжкѣ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ за 1901 годъ. Журналъ помѣстилъ одновременно три возраженія противъ этой новой исповѣди Толстого: г. Скворцова, редактора „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, одного бывшаго единомышленника Толстого и Сергія, Епископа Ямбургскаго. Опроверженія Сергія, епископа ямбургскаго, и г. В. Скворцова характеризуютъ нѣкоторымъ образомъ отношеніе православной церкви къ Л. Н. и помѣщены поэому въ данномъ изданіи.

ОТЛУЧЕНИЕ
ОТЪ ЦЕРКВИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

I.

25-го февраля 1901 года

Святейший Синодъ опубликовалъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“
отлученіе Л. Н. Толстого отъ церкви.

Отъ 20—22-го февраля 1901 года № 557,
съ посланіемъ вѣрнымъ чадамъ право-
славныхъ грекороссійск. церкви о графѣ
Львѣ Толстомъ.

Святейший Синодъ въ своемъ попеченіи о
чадахъ православной Церкви, обѣ охраненіи
ихъ отъ губительнаго соблазна и о спасеніи
заблуждающихъ, имѣвъ сужденіе о графѣ
Львѣ Толстомъ и его противохристіанскомъ
и противоцерковномъ лжеученіи, призналъ
благовременнымъ, въ предупрежденіе нару-
шенія мира церковнаго, обнародовать, чрезъ
напечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомо-
стяхъ“, нижеслѣдующее свое посланіе:

БОЖІЕЮ МИЛОСТИЮ,

Святѣйшій Всероссійскій Сѵнодъ вѣрнымъ чадамъ православныя каѳолическія греко-російскія Церкви

о Господѣ радоватися.

„Молимъ вы, братіе, блудитесь отъ творящихъ распри и раздоры, кроме ученія, ему же научистесь, и уклонитесь отъ нихъ“ (Римл. 16, 17).

Изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспревергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихъ на вѣрѣ во Христа, Сына Бога Живаго. Но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню, не могли одолѣть церкви святой, которая пребудеть неодолѣнною во вѣки. И въ наши дни, Божіимъ попущеніемъ, явился новый лжеучитель, графъ Левъ Толстой. Извѣстный миру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно передъ всѣми от-

рекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери, церкви православной, и посвятиль свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій противныхъ Христу и церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеской, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которую жили и спасались наши предки и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ, съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной церкви и самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго живаго Бога, во святой церкви славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицааетъ Господа Іисуса Христа — Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ; отрицааетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рожdestва и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Ма-

ріи, не признаетъ загробной жизни и мздо-
воздаянія, отвергаетъ всѣ таинства церкви и
благодатное въ нихъ дѣиство Святаго Духа
и, ругаясь надъ самыми священными предме-
тами вѣры православнаго народа, не содрог-
нулся подвергнуть глумленію величайшее изъ
таинствъ, святую Евхаристію. Все сие про-
повѣдуется графъ Левъ Толстой непрерывно,
словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу
всего православнаго міра, и тѣмъ не прикро-
венно, но явно предъ всѣми, сознательно и
намѣренно отторгъ себя самъ отъ всякаго
общенія съ Церковію православною. Бывшія
же къ его вразумленію попытки не увѣнча-
лись успѣхомъ. Посему церковь не считаетъ
его своимъ членомъ и не можетъ считать,
доколѣ онъ не раскается и не возстановить
своего общенія съ нею. Нынѣ о семъ сви-
дѣтельствуемъ предъ всею церковію къ ут-
вержденію правостоящихъ и къ вразумленію
заблуждающихъ, особливо же къ новому
вразумленію самого графа Толстого. Многіе
изъ ближнихъ его, хранящихъ вѣру, со скор-
бію помышляютъ о томъ, что онъ, на концѣ
дней своихъ, остается безъ вѣры въ Бога и
Господа Спасителя нашего, отвергшись отъ

благословеній и молитвъ церкви и отъ всякаго общенія съ нею.

Посему, свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ Церкви, вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумъ истины (2 Тим., 2, 25). Молимтесь, милосердый Господи, не хотай смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Подлинное подписали:

Смиренный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

Смиренный Іоаннъ, митрополитъ кіевскій и галицкій.

Смиренный Владимиръ, митрополитъ московскій и коломенскій.

Смиренный Іеронимъ, архіепископъ холмскій и варшавскій.

Смиренный Іаковъ, епископъ кишиневскій и хотинскій.

Смиренный Маркеллъ, епископъ.

Смиренный Борисъ, епископъ.

ПИСЬМО ГРАФИНИ С. ТОЛСТОЙ
къ
ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ
и
МИТРОПОЛИТАМЪ.

II.

Графиня С. А. Толстая послала въ отвѣтъ на отлученіе слѣдующее письмо:

**Письмо графини Софії Андреевны Толстой
къ оберъ-прокурору Синода и митрополитамъ**

*по поводу определенія Синода
объ отлученіи отъ церкви Льва Николаевича Толстого.*

Прочитавъ въ газетахъ жестокое опредѣленіе Синода объ отлученіи отъ церкви мужа моего графа Льва Николаевича Толстого съ подписями пастырей церкви, я не могла оставаться къ этому вполнѣ равнодушна. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ.

И не съ точки зрењія того, что отъ этой бумаги погибнетъ духовно мужъ мой: это не дѣло людей, а дѣло Божіе.

Жизнь души человѣческой съ религіозной точки зрењія — никому не вѣдома и, къ

счастью, — неподвластна. Но съ точки зре́нія той церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступлю, — которая создана Христомъ для благословленія именемъ Божімъ всѣхъ значительнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, радостей и горестей людскихъ . . . , которая должна громко провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ нась, молиться за всѣхъ, — съ этой точки зре́нія для меня непостижимо опредѣленіе Синода.

Оно вызоветъ не сочувствіе (развѣ только „Московскихъ Вѣдомостей“), а негодованіе въ людяхъ и большую любовь и сочувствіе ко Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ такія изъявленія, и имъ не будетъ конца со всѣхъ сторонъ міра.

Не могу не упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною отъ той безсмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ не отпѣвать въ церкви Льва Николаевича въ случаѣ его смерти. Кого же хотятъ наказывать? Умершаго, ничего не чувствующаго уже человѣка, или окружающихъ его, вѣрую-

ищихъ и близкихъ ему людей? Если это угроза, то кому и чему? Неужели для того, чтобы отпѣвать моего мужа и молиться за него въ церкви, я не найду — или такого порядочнаго священника, который не побоится людей передъ настоящимъ Богомъ любви, или непорядочнаго, котораго можно подкупить большими деньгами для этой цѣли?

Но мнѣ этого и не нужно. Для меня церковь есть понятіе отвлеченнное, и служителями ея я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе церкви. Если же признать церковью людей, дерзающихъ своей злобой нарушать высшій законъ любви Христа, то давно бы всѣ мы, истинно вѣрующіе и посвѣщающіе церковь, — ушли бы отъ нея.

И виновны въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ церкви — не заблудившіеся, ищущіе истины люди, а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея, и вместо любви, смиренія и всепрощенія, стали духовными палачами тѣхъ, кого вѣрнѣе простить Богъ за ихъ смиренную, полную отреченія отъ земныхъ благъ, любви и помощи людямъ жизнь, хотя и внѣ церкви, чѣмъ носящихъ брилліантовыя митры и звѣзды, но карающихъ отъ церкви — пастырей ея.

Опровергнуть мои слова лицемѣрными доводами — легко. Но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей — никого не обманетъ.

Графиня Софія Толстая.

26 февраля 1901 года.

Москва, Хамовническій переул. 21.

ОТВѢТЪ
Л. Н. ТОЛСТОГО СИНОДУ.

III.

Л. Н. Толстой опубликовалъ слѣдующій знаменательный отвѣтъ:

О Т ВѢТЪ

на опредѣленіе синода отъ 20—22 февраля и полученные мною по этому случаю письма.

„He who begins by loving Christianity better than Truth will proceed by loving his own Sect or Church better than Christianity, and end in loving himself better than all.

Coleridge.

Я не хотѣлъ сначала отвѣтчать на постановленіе обо мнѣ синода, но постановленіе это вызвало очень много писемъ, въ которыхъ неизвѣстные мнѣ корреспонденты — одни бранятъ меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другіе увѣщиваютъ меня повѣрить въ то, во чтѣ я не переставалъ вѣ-

рить, и третыи выражаютъ со мной единомыслie, которое едва ли въ дѣйствительности существуетъ, и сочувствiе, на которое я едва ли имѣю право; и я рѣшилъ отвѣтить и на самое постановленiе, указавъ на то, что въ немъ несправедливо, и на обращенiя ко мнѣ моихъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ.

Постановленiе синода вообще имѣеть много недостатковъ. Оно незаконно, или же умышленно двусмысленно; оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кромѣ того, содержитъ къ себѣ клевету и подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ.

Оно незаконно, или умышленно двусмысленно — потому, что если оно хочетъ быть отлученiемъ отъ церкви, то оно не удовлетворяетъ тѣмъ церковнымъ правиламъ, по которымъ можетъ произноситься такое отлученiе; если же это есть заявленiе о томъ, что тотъ, кто не вѣритъ въ церковь и ея догматы, не принадлежитъ къ ней, то это само собой разумѣется, и такое заявленiе не можетъ имѣть никакой другой цѣли, какъ только ту, чтобы, не будучи въ сущности отлученiемъ, оно бы казалось таковыми, чтò

собственно и случилось, потому что оно такъ и было понято.

Оно произвольно, потому что обвиняетъ одного меня въ невѣріи во всѣ пункты, выписанные въ постановленіи, тогда какъ не только многіе, но почти всѣ образованные люди раздѣляютъ такое невѣре и безпрестанно рыражали и выражаютъ его и въ разговорахъ, и въ чтеніи, и въ брошюрахъ и книгахъ.

Оно неосновательно потому, что главнымъ поводомъ его появленія выставляется большое распространеніе моего совращающаго людей лжеученія, тогда какъ мнѣ хорошо известно, что людей, раздѣляющихъ мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространеніе моихъ писаній о религіи, благодаря цензурѣ, такъ ничтожно, что большинство людей, прочитавшихъ постановленіе синода, не имѣеть ни малѣйшаго понятія о томъ, что мною писано о религіи, какъ это видно изъ получаемыхъ мною писемъ.

Оно содержитъ въ себѣ явную неправду, такъ какъ въ немъ сказано, что со стороны церкви были сдѣланы относительно меня не увѣнчавшіяся успѣхомъ попытки вразумленія. Ничего подобнаго никогда не было.

Оно представляеть изъ себя то, что на юридическомъ языке называется клеветой, такъ какъ въ немъ заключаются завѣдомо несправедливыя, клонящіяся къ моему вреду утвержденія.

Оно есть, наконецъ, подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ, такъ какъ вызвало, какъ и должно было ожидать, въ людяхъ непросвѣщенныхъ и неразсуждающихъ озлобленіе и ненависть ко мнѣ, доходящія до угрозъ убийства, и высказываемыя въ получаемыхъ мною письмахъ: „Теперь ты преданъ анаѳемѣ и пойдешь по смерти въ вѣчное мученіе и издохнешь какъ собака... анаѳема ты, старый чертъ... будь проклять“, пишетъ одинъ. Другой дѣлаетъ упреки правительству за то, что я не заключенъ еще въ монастырь, и наполняетъ письмо ругательствами. Третій пишетъ: „если правительство не уберетъ тебя, — мы сами заставимъ тебя замолчать“; письмо кончается проклятіями. „Чтобы уничтожить прохвоста тебя“, — пишетъ четвертый, — „у меня найдутся средства“... слѣдуютъ неприличныя ругательства. Признаки такого же озлобленія я послѣ постановленія синода замѣчаю и при встрѣчахъ

сь нѣкоторыми людьми. Въ самый день 25 февраля, когда было опубликовано постановлѣніе, я, проходя по площади, слышалъ слова: „вотъ дьяволъ въ образѣ человѣка“, и если бы толпа была иначе составлена, очень можетъ быть, что меня бы избили, какъ избили, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, человѣка у Пантелеимоновской часовни.

Такъ что постановлѣніе синода вообще очень нехорошо; то, что въ концѣ постановлѣнія сказано, что лица, подписавшія его, молятся, чтобы я сталъ такимъ же, какъ они, не дѣлаетъ его лучше.

Это такъ вообще; въ частностяхъ же постановлѣніе это несправедливо въ слѣдующемъ. Въ постановлѣніи сказано: „Извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери Церкви православной“.

То, что я отрекся отъ церкви, называющей себя православной, это совершенно спра-ведливо.

Но отрекся я отъ нея не потому, что я возсталъ на Господа, а напротивъ только потому, что всѣми силами души желалъ служить Ему. Прежде чѣмъ отречься отъ церкви и единенія съ народомъ, которое мнѣ было невыразимо дорого, я, по нѣкоторымъ признакамъ усомнившись въ правотѣ церкви, посвятилъ нѣсколько лѣтъ на то, чтобы изслѣдовать теоретически и практическое ученіе церкви: теоретически — я перечиталъ все, что могъ, объ ученіи церкви, изучилъ и критически разобралъ догматическое богословіе; практически же — строго слѣдовалъ, въ продолженіе болѣе года, всѣмъ предписаніямъ церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. И я убѣдился, что ученіе церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собраніе самыхъ грубыхъ суетѣй и колдовства, скрывающее совершенно весь смыслъ христіанского ученія*).

*.) Стоитъ только почитать требникъ, прослѣдить за тѣми обрядами, которые не переставая совершаются православнымъ духовенствомъ и считаются христіанскимъ богослуженіемъ, чтобы увидать, что всѣ эти обряды не что иное, какъ различные пріемы колдовства, приспособленные ко всѣмъ возможнымъ

И я дѣйствительно отрекся отъ церкви, пересталъ исполнять ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей, и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣй, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мѣшала живымъ.

То же, что сказано, что „я посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный мнѣ отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и церкви, и т. д.“, и что „я въ своихъ сочиненіяхъ и

случаямъ жизни. Для того, чтобы ребенокъ, если умретъ, пошелъ въ рай, нужно умѣть помазать его масломъ и выкупать съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ; для того, чтобы родильница перестала быть нечистою, нужно произнести извѣстныя заклинанія; чтобы былъ успѣхъ въ дѣлѣ или спокойное житье въ новомъ домѣ, для того, чтобы хорошо родился хлѣбъ, прекратилась засуха, для того, чтобы излечиться отъ болѣзни, для того, чтобы облегчилось положеніе умершаго на томъ свѣтѣ, для всего этого и тысячи другихъ обстоятельствъ есть извѣстныя заклинанія, которыя въ извѣстномъ мѣстѣ за извѣстныя приношенія произносятся священникомъ.

письмахъ, во множествѣ разсѣваемыхъ мною такъ же, какъ и учениками моими, по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, проповѣдую съ ревностью фанатика ниспроверженіе всѣхъ доктринахъ православной церкви и самой сущности вѣры христіанской“, — то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространеніи своего ученія. Правда, я самъ для себя выразилъ въ сочиненіяхъ свое пониманіе ученія Христа и не скрывалъ эти сочиненія отъ людей, желавшихъ съ ними познакомиться, но никогда самъ не печаталъ ихъ; говорилъ же людямъ о томъ, какъ я понимаю ученіе Христа только тогда, когда меня обѣ этомъ спрашивали. Такимъ людямъ я говорилъ то, что думаю, и давалъ, если онѣ у меня были, мои книги.

Потомъ сказано, что я „отвергаю Бога, во святой Троицѣ славимаго Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаю Господа Иисуса Христа, Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшаго нась ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаю безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство

до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы". То, что я отвергаю непонятную троицу, не имѣющую никакого смысла въ наше время басню о паденіи первого человѣка, кощунственную исторію о богѣ, родившемся отъ дѣвы, искупляющемъ родъ человѣческій, то это совершенно справедливо. Бога же — Духа, Бога — любовь, единаго Бога, — начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю дѣйствительно существующимъ кромѣ Бога и весь смыслъ жизни вижу только въ исполненіи воли Бога, выраженной въ христіанскомъ ученіи.

Еще сказано: „не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія“. Если разумѣютъ жизнь загробную въ смыслѣ второго пришествія, ада съ вѣчными мученіями, дьяволами, и рая — постоянного блаженства, — совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни; но жизнь вѣчную и возмездіе здѣсь и вездѣ, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, стоя по своимъ годамъ на краю гроба, часто долженъ дѣлать усилія, чтобы не желать плотской смерти, то есть рожденія къ новой жизни, и вѣрю, что всякий добрый поступокъ увеличиваетъ истин-

ное благо моей вѣчной жизни, а всякий злой поступокъ уменьшаетъ его.

Сказано также, что я отвергаю всѣ таинства. Это совершенно справедливо. Всѣ таинства я считаю низменнымъ, грубымъ, несоответствующимъ понятію о Богѣ и христіанскому учению колдовствомъ и, кромѣ того, нарушеніемъ самыхъ прямыхъ указаній евангелія. Въ крещеніи младенцевъ вижу явное извращеніе всего того смысла, который могло имѣть крещеніе для взрослыхъ, сознательно принимающихъ христіанство, въ совершенніи таинства брака надъ людьми, завѣдомо соединившимися прежде, и въ допущеніи разводовъ, и въ освященіи браковъ разведенныхъ, вижу прямое нарушеніе и смысла, и буквы евангельского ученія.

Въ периодическомъ прощеніи грѣховъ на исповѣди вижу вредный обманъ, только поощряющей безнравственность и уничтожающей опасеніе передъ согрѣшеніемъ.

Въ елеосвященіи такъ же, какъ и въ миропомазаніи, вижу приемы грубаго колдовства, какъ и въ почитаніи иконъ и мощей и какъ и во всѣхъ тѣхъ обрядахъ, молитвахъ, заклинаніяхъ, которыми наполненъ требникъ.

Въ причащеніи вижу обоготовленіе плоти и извращеніе христіанскаго ученія. Въ священствѣ, кромѣ явнаго приготовленія къ обману, вижу прямое нарушеніе словъ Христа, — прямо запрещающаго кого бы то ни было называть учителями, отцами, наставниками (Мѳ. XXIII, 8—го).

Сказано, наконецъ, какъ послѣдняя и высшая степень моей виновности, что я „ругаюсь надъ самыми священными предметами рѣры, не содрогнулся подвергнуть глумленію священнѣйшее изъ таинствъ — Евхаристію“. То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священникъ дѣлаетъ для приготовленія этого такъ называемаго таинства, то это совершенно справедливо; но то, что это такъ называемое таинство есть нѣчто священное, и что описать его просто, какъ оно дѣлается, есть кощунство, — это совершенно несправедливо. Кощунство не въ томъ, чтобы назвать перегородку — перегородкой, а не иконостасомъ, и чашку — чашкой, а не потиромъ и т. п., а ужаснѣйшее, не перестающее, возмутительное кощунство — въ томъ, что люди, пользуясь всѣми возможными средствами обмана и гипнотизациіи,

— увѣряютъ дѣтей и простодушный народъ, что если нарѣзать известнымъ способомъ и при произнесеніи известныхъ словъ кусочки хлѣба и положить въ вино, то въ кусочки эти входить Богъ; что тотъ, во имя кого живого вынется кусочекъ, тотъ будетъ здоровъ; во имя же кого умершаго вынется такой кусочекъ, то тому на томъ свѣтѣ будетъ лучше; и что тотъ, кто съѣстъ этотъ кусочекъ, въ того войдетъ самъ Богъ.

Вѣдь это ужасно!

Какъ бы кто ни понималъ личность Христа, но ученіе его, которое уничтожаетъ зло міра, такъ просто, легко, несомнѣнно даетъ благо людямъ, если только они не будутъ извращать его, — это ученіе все скрыто, все передѣлано въ грубое колдовство купанья, мазанія масломъ, тѣлодвиженій, заклинаній, проглатыванія кусочковъ и т. п., такъ что отъ ученія ничего не осталось. И если когда какой человѣкъ попытается напомнить людямъ то, что не въ этихъ волхвованіяхъ, не въ молебствіяхъ, обѣдняхъ, свѣчахъ, иконахъ — ученіе Христа, а въ томъ, чтобы люди любили другъ друга, не платили зломъ за зло, не судили, не убивали другъ друга, — то поднимется не-

годованіе тѣхъ, которымъ выгоденъ этотъ обманъ, и люди эти во всеуслышаніе, съ не-постижимой дерзостью говорятъ въ церквахъ, печатаютъ въ книгахъ, газетахъ, катехизи-сахъ, что Христосъ никогда не запрещалъ клятву (присягу), никогда не запрещалъ убий-ство (казни, войны), что учение о непротивле-ніи злу съ сатанинской хитростью выдумано врагами Христа *).

Ужасно, главное; то, что люди, которымъ это выгодно, обманываютъ не только взро-слыхъ, но, имѣя на то власть, — и дѣтей, тѣхъ самыхъ дѣтей, про которыхъ Христосъ говорилъ, что горе тому, кто ихъ обманетъ. Ужасно то, что люди эти для своихъ малень-кихъ выгодъ дѣлаютъ такое ужасное зло, скрывая отъ людей истину, открытую Хри-стомъ и дающую благо, которое не уравно-вѣшивается и въ тысячной долѣ получаемой ими отъ того выгодой. Они поступаютъ, какъ тотъ разбойникъ, который убиваетъ цѣлую семью, 5—6 человѣкъ, чтобы унести старую поддевку и 40 коп. денегъ. Ему охотно отдали бы всю одежду и всѣ деньги, только

*) Рѣчь Амвросія, епископа Харьковскаго.

бы онъ не убивалъ ихъ. Но онъ не можетъ поступить иначе.

То же и съ религіозными обманщиками. Можно бы въ то разъ лучше, въ величайшей роскоши содержать ихъ, только бы они не губили людей своимъ обманомъ. Но они не могутъ поступать иначе. Вотъ это - то и ужасно. И потому обличать ихъ обманъ не только можно, но должно. Если есть что священное, то никакъ уже нето, что они называютъ таинствомъ, а именно эта обязанность обличать ихъ религіозный обманъ, когда видишь его.

Если чувашинъ мажетъ своего идола сметаной или сѣчеть его, я могу не оскорблять его вѣрованія и равнодушно пройти мимо, потому что онъ дѣлаетъ это во имя чуждаго мнѣ своего суевѣрія и не касается того, что для меня священно; но когда люди своимъ дикимъ суевѣріемъ, какъ бы много ихъ ни было, какъ бы старо ни было ихъ суевѣріе, и какъ бы могущественны они ни были, — во имя того Бога, которымъ я живу, и того ученія Христа, которое дало жизнь мнѣ и можетъ дать ее всѣмъ людямъ, — проповѣдуютъ грубое колдовство, — я не могу этого

видѣть спокойно. И если я называю по имени то, что они дѣлаютъ, то я дѣлаю только то, что долженъ, чего не мому не дѣлать, если я вѣрю въ Бога и христіанское ученіе. Если же они обличеніе ихъ обмана называютъ кощунствомъ, то это только доказываетъ силу ихъ обмана и должно только увеличивать усилія людей, вѣрующихъ въ Бога и въ ученіе Христа, для того, чтобы уничтожить этотъ обманъ, скрывающій отъ людей истиннаго Бога.

Про Христа, выгнавшаго изъ храма быковъ, овецъ и продавцевъ, должны были говорить, что онъ кощунствуетъ.

Если бы онъ пришелъ теперь и увидалъ то, что дѣлается его именемъ въ церкви, то еще съ болѣшимъ и законнымъ гнѣвомъ на-вѣрно выкидалъ бы всѣ эти ужасные анти-минсы, и копья, и кресты, и чаши, и свѣчи, и иконы, и все то, посредствомъ чего они, колдая, скрываютъ отъ людей Бога и Его ученіе.

Такъ вотъ, что справедливо и что несправедливо въ постановленіи обо мнѣ синода. Я дѣйствительно не вѣрю въ то, во что они говорятъ, что вѣрятъ. Но я вѣрю во многое,

во чѣ оны хотятъ увѣрить людей, что я не вѣрю.

Вѣрю я въ слѣдующее: вѣрю въ Бога, котораго понимаю какъ Духъ, какъ Любовь, какъ начало всего. Вѣрю въ то, что Онъ во мнѣ и я въ немъ. Вѣрю въ то, что воля Бога яснѣе, понятнѣе всего выражена въ ученіи человѣка Христа, котораго понимать Богомъ и которому молиться, — считаю величайшимъ кощунствомъ. Вѣрю въ то, что истинное благо человѣка — въ исполненіи воли Бога, воля же Его въ томъ, чтобы люди любили другъ друга и вслѣдствіе этого поступали бы съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними, какъ и сказано въ евангеліи, что въ этомъ весь законъ и пророки. Вѣрю въ то, что смыслъ жизни каждого человѣка, поэтому, только въ увеличеніи въ собѣ любви; что это увеличеніе любви ведетъ отдельного человѣка въ жизни этой ко все большему и большему благу, даетъ послѣ смерти тѣмъ большее благо, чѣмъ больше будетъ въ человѣкѣ любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всего другого содѣйствуетъ установленію въ мірѣ царства Божія, то есть такого строя жизни, при которомъ царствую-

щіє тепер раздоръ, обманъ и насилие будуть замѣнены свободнымъ согласиемъ, правдой и братской любовью людей между собой. Вѣрю, что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство: молитва, — не молитва общественная въ храмахъ, прямо запрещенная Христомъ (Ме. VI, 5—13), — а молитва, образецъ которой данъ намъ Христомъ, — уединенная, состоящая въ возстановлени и укрѣплени въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога.

Оскорбляютъ, огорчаютъ или соблазняютъ кого-либо, мѣшаютъ чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои вѣрованія, — я такъ же мало могу ихъ измѣнить, какъ свое тѣло. Минѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никакъ иначе вѣрить, какъ такъ, какъ я вѣрю, готовясь итти къ тому Богу, отъ которого исшелъ. Я не вѣрю, чтобы моя вѣра была одна несомнѣнно на всѣ времена истинна, но я не вижу другой — болѣе простой, ясной и отвѣщающей всѣмъ требованіямъ моего ума и сердца; если я узнаю такую, я сейчасъ же приму ее потому,

что Богу ничего, кромъ истины, не нужно. Вернуться же къ тому, отъ чего я съ такими страданіями только-что вышелъ, я никакъ уже не могу, какъ не можетъ летающая птица войти въ скорлупу того яйца, изъ котораго она вышла.

„Тотъ, кто начнетъ съ того, что полюбитъ христіанство болѣе истины, очень скоро полюбитъ свою церковь или секту болѣе, чѣмъ христіанство, и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ“, сказалъ Кольриджъ.

Я шелъ обратнымъ путемъ. Я началъ съ того, что полюбилъ свою православную вѣру болѣе своего спокойствія, потомъ полюбилъ христіанство болѣе своей церкви, теперь же люблю истину болѣе всего на свѣтѣ. И до сихъ поръ истина совпадаетъ для меня съ христіанствомъ, какъ я его понимаю. И я исповѣдую это Христіанство; и въ той мѣрѣ, въ какой исповѣдую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь къ смерти.

ВОЗРАЖЕНИЕ СЕРГИЯ,
ЯМБУРГСКАГО ЕПИСКОПА,
Л. Н. ТОЛСТОМУ.

IV.

Мысли православного епископа по прочтениі новой исповѣди графа Л. Толстого.

Итакъ, послѣ этой новой исповѣди можно ли назвать гр. Толстого принадлежащимъ къ православной Церкви и вѣрующимъ по православному? Если у кого-либо до сихъ поръ возможны были въ этомъ сомнѣнія и колебанія, то теперь всѣ эти сомнѣнія разсѣиваются. Гр. Толстой не только сознательно и послѣдовательно отвергаетъ самые основные догматы христіанства, не только отрицаетъ и хулитъ православную Церковь и ея таинства, и всю церковнту жизнь и практику представлять какимъ-то сцѣпленіемъ лжи, обмана и грубаго суевѣрія, но и сознательно бросиль Церковь, завѣщаю своимъ близкимъ ни напутствовать, ни хоронить его по православ-

ному (нежелание быть погребеннымъ по православному, какъ извѣстно, предполагалъ въ немъ и Владыка-Митрополитъ Петербургскій въ отвѣтѣ своемъ на письмо графини). Относительно отпаденія графа отъ Церкви, т. е., не можетъ быть двухъ мнѣній, и самъ графъ признаетъ это. Мы скажемъ болѣе, имѣлъ ли даже право Св. Синодъ, зная объ ученіи гр. Толстого и зная, что это ученіе извѣстно всему миру и привлекаетъ къ себѣ, если не послѣдователей, то всеобщее вниманіе, имѣлъ ли право Св. Синодъ оставаться къ этому равнодушнымъ и предоставлять вѣрнымъ сынаамъ Церкви соблазняться этимъ равнодушiemъ и терять вѣру въ Церковь? Имѣлъ ли право Св. Синодъ допустить, чтобы надъ графомъ, лицомъ всемирно извѣстнымъ, совершенъ былъ по смерти православный обрядъ погребенія, къ злорадному посмѣянію всѣхъ враговъ Церкви и къ соблазну и недоумѣнію всѣхъ вѣрующихъ? Повторяемъ, относительно этого не можетъ быть различныхъ мнѣній. Св. Синодъ, издавъ свое постановленіе, не только воспользоваться своимъ неотъемлемымъ и вполнѣ естественнымъ правомъ, но и исполнилъ непремѣнную свою

обязанность, отъ исполненія которой онъ никакъ не могъ уклониться. Дай только Богъ, чтобы и впредь наша родная Церковь также безбоязненно и твердо предъ лицемъ всего міра произносила свое исповѣданіе, исповѣдала вѣру въ себя и свое Божественное призваніе.

Соглашаясь съ основною мыслію постановленія, что онъ отпалъ отъ Церкви, графъ Толстой возражаетъ противъ умѣстности такого постановленія и противъ нѣкоторыхъ его частныхъ утвержденій и мыслей. Прежде всего ему кажется несправедливымъ отлучать именно его, тогда какъ многіе и въ разговорахъ, и въ письмахъ, и въ печати высказываютъ свое невѣріе, и никто ихъ не объявляетъ отпавшими отъ Церкви. И какъ бы предвидя возраженіе, что его, гр. Толстого, всемірно извѣстнаго писателя, къ слову котораго прислушиваются всѣ, сочиненія котораго переводятся на всѣ языки почти въ моментъ ихъ появленія на русскомъ языкѣ, нельзя же сравнивать съ мелкими литературными и просто словесными сошками, графъ прибавляетъ, что его послѣдователей мало, что распространеніе его писаній ничтожно.

Съ этимъ нельзя согласиться. Если мало настоящихъ, искреннихъ послѣдователей Толстого, то ученіе его, по крайней мѣрѣ въ его основныхъ положеніяхъ, извѣстно всюду, гдѣ только извѣстно имя Толстого, а это имя извѣстно всему читающему миру. Если у насъ въ Россіи не знаетъ этого имени неграмотный народъ, то вѣдь такое положеніе вещей не можетъ продлиться въ вѣчность. Будетъ время, когда всѣ будутъ грамотны, необходимо и это имѣть въ виду и будущихъ оградитя отъ соблазна. Эта-то особенная извѣстность имени гр. Толстого и была причиной, почему Церковь, уже давно не пользовавшаяся своимъ правомъ отлученія, на этотъ разъ рѣшилась прибѣгнуть къ нему. Такова практика Церкви со времани ея основанія. Снисходя къ немощамъ человѣческимъ, Церковь произносила анаѳему только въ крайнихъ случаяхъ, когда соблазнъ былъ чрезвычайнымъ, и когда не было надежды исправить человѣка иными средствами. Дѣйствуя такимъ образомъ Церковь поступала вполнѣ основательно и послѣдовательно. Она всегда помнила, что конечная участъ человѣка зависитъ „не отъ клочка писанной или печатной бу-

маги", не отъ самаго церковнаго отлученія, а отъ того внутренняго отступленія людей отъ Источника жизни и истины, о которомъ церковное отлученіе только свидѣтельствуетъ. Поэтому, если бы, по нерадѣнію ли предстоятелей церковныхъ, по ихъ ли излишней снисходительности, какой - нибудь зараженный членъ и остался въ обществѣ вѣрующихъ, отъ невидимаго суда Божія онъ укрыться не можетъ и святости церковнаго тѣла не повредить. А съ другой стороны, анаема никогда, по существу своему, не была орудіемъ кары, какъ бы нѣкоторымъ отмщеніемъ грѣшнику за совершенный грѣхъ. „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“, говоритъ Господь, и Церковь, болѣе чѣмъ кто-либо, помнитъ эти слова. Церковная анаема, поэтому, всегда имѣла въ виду или исправленіе грѣшника, или, если этого нельзя ожидать, то служила осовѣщениемъ церковнаго общества о появившемся заблужденіи, съ цѣлью огражденія неопытныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ была исповѣданіемъ церковной вѣры. Поэтому-то Церковь и употребляла это средство только въ исключительныхъ случаяхъ, а такой исключительный случай и явился теперь.

Графъ находитъ неумѣстнымъ синодальное постановлѣніе потому еще, что оно можетъ оказаться подстрекательствомъ къ дурнымъ поступкамъ и мыслямъ, чего ему приходилось видѣть примѣры. Все сказанное выше можетъ служить отвѣтомъ и на это недоумѣніе. „Если, скажемъ словами самого гр. Толстого, чувашинъ мажетъ своего идола сметаной или сѣчетъ его, я могу не оскорблять его вѣрованія и равнодушно пройти мимо, потому что онъ дѣлаетъ это во имя чуждаго мнѣ资料 ofего суевѣрія и не касается того, что для меня священно“. И Церковь, конечно, прошла бы мимо графа, если бы его проповѣдь не касалась самаго дорогого церковнаго достоянія, если бы не имѣла цѣлью подкопать самое священное сокровище Церкви. Теперь же Церковь должна была оградить это сокровище и вмѣстѣ тѣ тысячи и миллионы ея чадъ, которымъ угрожало лишеніе его. Пусть этотъ шагъ Церкви „оскорбляетъ, огорчаетъ или соблазняетъ кого-либо, мѣшаетъ чему-нибудь и кому-нибудь, или не нравится“, пусть нѣкоторые ревностные, но не разсуждающіе члены Церкви въ этомъ шагѣ найдутъ по-водѣ къ непохвальнымъ выходкамъ, Церковь

о всемъ этомъ можетъ пожалѣть, но поступить, ради этихъ возможныхъ выходокъ, иначе не можетъ, какъ не поступилъ бы иначе и самъ графъ, если бы находился въ подобномъ положеніи.

Далѣе, графъ называетъ постановленіе „тѣмъ“, что на юридическомъ языкѣ называется клеветой, такъ какъ въ немъ заключаются завѣдомо несправедливыя, клонящіяся къ его вреду утвержденія“. Примѣромъ такихъ утвержденій служитъ, можетъ быть, то, что Св. Синодъ приписываетъ графу фанатическую ревность о распространеніи его ученія. „Это, говоритъ Л. Н., несправедливо. Я никогда не заботился о распространеніи своего ученія“. Читателю такое заявленіе Л. Н., конечно, можетъ показаться весьма страннымъ, какъ-бы софизмомъ. Онъ же зналъ, что его сочиненія, особенно въ послѣднее время, всѣ до единой строки будутъ напечатаны и разойдутся въ тысячахъ экземпляровъ? Какъ же онъ можетъ думать, что онъ не виноватъ въ распространеніи своего лжеученія? Св. Синодъ, говоря о томъ, что гр. Толстой съ ревностью фанатика уже много лѣтъ не перестаетъ проповѣдывать ниспроверженіе всѣхъ

догматовъ православной Церкви, конечно, говорилъ о всей литературной дѣятельности графа, совсѣмъ не касаясь того, самъ ли Л. Н. ходилъ въ народъ и проповѣдывалъ, самъ ли отсыпалъ въ типографію свои рукописи или это дѣлали за него его друзья и почитатели. Кто подноситъ человѣку ядъ, конечно, виновать; но еще болѣе виновать тотъ, кто этотъ ядъ составилъ, зная, что онъ будетъ поднесенъ. Вообще, этотъ пунктъ въ письмѣ гр. Толстого представляется страннымъ и порождаетъ недоумѣніе.

Не менѣе страннымъ является и тотъ пунктъ, гдѣ графъ совершенно недвусмысленно обвиняетъ Св. Синодъ въ сознательной и намѣренной лжи, „въ явной неправдѣ“. Это — относительно „неувѣнчившихся успѣхомъ попытокъ увѣщанія“. „Ничего подобнаго (не обинуясь утверждаетъ графъ) никогда не было“. Тутъ какое-то трудно понятное недоразумѣніе. Къ Л. Н. приходили священники и говорили съ нимъ о вѣрѣ. Нѣкоторые изъ этихъ священниковъ приходили къ нему говорить о вѣрѣ совсѣмъ не по собственному почину, а были нарочно для этой цѣли посланы епархиальнымъ начальствомъ. Графъ

съ этими священниками говорилъ, дѣлился потомъ со своими знакомыми и посѣтителями впечатлѣніями отъ этихъ бесѣдъ. Графъ зналъ, что эти священники посланы къ нему отъ архіереевъ (напр., тульского), и своимъ знакомымъ потомъ признавался, что бесѣды священника ему нравятся, только непріятно знать, что священника прислалъ архіерей для его увѣщанія (говоримъ это на основаніи дѣйствительныхъ событій). Какъ же послѣ этого графъ утверждаетъ, что со стороны Церкви не было попытокъ увѣщанія, и что Св. Синодъ говоритъ „явную неправду“, упоминая объ этихъ попыткахъ? Отвѣтчать на обвиненіе во лжи такимъ же обвиненіемъ мы не думаемъ, а только утверждаемъ, что графъ Л. Н., во имя истины, самъ долженъ печатно оговориться или же дать своему утвержденію какой-нибудь непрямой смыслъ. Можетъ быть, онъ подумалъ, что Св. Синодъ говоритъ о попыткахъ непосредственно самого Св. Синода. Можетъ быть, онъ думалъ, что мѣстный архіерей послалъ къ нему священника независимо отъ Синода. Во всякомъ случаѣ, оговориться необходимо, иначе на доброе имя

писателя ложится странная и ни для кого не желательная тѣнь.

Графъ утверждаетъ, что оставилъ онъ Церковь только послѣ того, какъ теоретически и практически изучилъ и испробовалъ церковное ученіе, послѣ того, какъ прочиталъ всю богословскую литературу и болѣе года слѣдовалъ предписаніямъ Церкви, соблюдая посты и пр. Все это, по словамъ графа, только усилило его сомнѣнія и укрѣпило его разочарованіе въ церковномъ христіанствѣ. — Фактъ, конечно, весьма печальный, но, къ сожалѣнію, не единственный и даже не рѣдкий, и происходитъ онъ не отъ ложности церковнаго ученія, не отъ ложности церковной жизни, а отъ душевнаго расположения и настроенія того, кто къ этому ученію и въ особенности къ этой жизни приступаетъ. Психологію этого особенного отношенія къ Церкви и ея таинствамъ прекрасно изобразилъ самъ же гр. Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ „Анна Каренина“ именно тамъ, гдѣ описывается молебень у постели умирающаго Николая Левина. Этотъ давнишній невѣръ, жившій вдали отъ Церкви, по своимъ законамъ

и пр., предъ смертью вдругъ рѣшаеть слу-
жить молебенъ, думая, что у него вдругъ от-
куда-то появится въ душѣ вѣра, и эта вѣра
исцѣлитъ его отъ чахотки. Онъ тупо и без-
смысленно смотрить на икону, усиленно кре-
стится, старается разгорячить себя, но, ко-
нечно, ничего изъ этого не получается: послѣ
молебна онъ со злостью велитъ убрать икону,
разочаровавшись въ ея чудодѣйственности.
Это тотъ грубый духовный материализмъ, ужа-
сающій примѣръ котораго представилъ Л. Н.
въ „Воскресеніи“, думая, что передаетъ учение
Церкви. Человѣкъ не хочетъ понять, что
дѣло спасенія совершается путемъ долгаго
нравственнаго развитія, что общенія съ Бо-
гомъ можно достигнуть только въ святости.
Человѣку хочется вдругъ посредствомъ ка-
кихъ-либо внѣшнихъ приемовъ очутиться на
вершинѣ духовнаго развитія и вкусить всѣхъ
плодовъ его. Таинства для него представля-
ются какими-то лѣкарствами, онъ приготов-
ляется сейчасъ же ощущать ихъ дѣйствіе
внутри себя. Тоже самое и съ остальными
церковными установленіями. Конечно, ника-
кихъ немедленныхъ слѣдствій принятія та-

инствъ и исполненія церковныхъ предписаній человѣкъ не замѣчаетъ, а не замѣчаетъ потому, что нравственное развитіе духовное, для котораго установлены таинства и въ предѣлахъ котораго они дѣйствуютъ, для человѣка представляется безразличнымъ и неинтереснымъ, онъ ищетъ только плодовъ этого развитія, представляющихъся для него пріятными. Результатомъ этого неправильнаго отношенія къ духовной жизни (неправильнаго потому, что корень всякаго грѣха и зла — самолюбіе — здѣсь не только не отрицается, но служитъ главнымъ двигателемъ) получается у нѣкоторыхъ самообманъ, то, что на монашескомъ языкѣ называется прелестью, когда человѣкъ начинаетъ потредствомъ какихъ-нибудь искусственныхъ пріемовъ разжигать свое воображеніе, горячить чувство, принимая это искусственное и тѣлесное разгоряченіе за дѣйствіе благодати и въ концѣ доходить до галлюцинацій. Натуры же болѣе критического ума, или болѣе мірскія обыкновенно успѣваютъ видѣть, что никакихъ непосредственныхъ полутилесныхъ, полудуховныхъ измѣнений въ ихъ природѣ отъ таинствъ не проис-

ходить, и начинаютъ утверждать, что никакого дѣйствія отъ таинствъ и нѣтъ, что молитва не помогаетъ, что, наконецъ, все учение Церкви сплошной обманъ. Л. Н., къ сожалѣнію, пошелъ тѣмъ же путемъ. Ему гениальному писателю и художнику, конечно, трудно было смириться предъ чьимъ бы то ни было авторитетомъ. Рѣшаясь испробовать церковный путь, онъ захотѣлъ въ то же время и наблюдать, какъ на него будетъ дѣйствовать это новое средство, и, конечно, его средство и этотъ путь скоро ему надоѣли, ощущительныхъ послѣдствій въ себѣ графъ не замѣчалъ и . . . обвинилъ во всемъ этомъ не себя, а Церковь и ея таинства. Но Церковь и таинства спасительны не въ видѣ лѣкарствъ, а подъ условиемъ внутренняго самоотреченія, распятія своей самости, жертвы собой Богу. Такъ понимаетъ себя Церковь, такъ понимаютъ свою жизнь и всѣ православные подвижники, такъ понимаетъ отношенія къ таинствамъ и нашъ простой народъ, вездѣ и всюду, гдѣ только ему представляется поводъ и возможность выразить въ словахъ и въ дѣйствіяхъ это свое пониманіе. И, конеч-

но, наши священники и простые люди придутъ въ ужасъ, прочитавъ въ „Воскресеніи“, какъ графъ понимаетъ таинство причащенія; имъ никогда и въ голову не придетъ самая возможность понимать таинство такъ грубо, материалистически, съ такими воплющими подробностями.

Еще одно замѣчаніе. Въ концѣ своего письма Л. Н. утверждаетъ, что измѣнить свои мысли онъ можетъ, если ему представятъ другое, болѣе истинное пониманіе жизни, но возвратиться въ Церковь онъ не можетъ, „какъ не можетъ летающая птица войти въ скорлупу того яйца, изъ котораго она вышла“. Много правды въ этомъ пророчествѣ, и правды самой грустной, трагической. По этому поводу мнѣ вспоминаются слова авторитетнаго обличителя гр. Толстого, преосвященнаго Антонія, епископа уфимскаго, (кажется, еще не попавшія въ печать). Преосв. какъ-то высказался, что гр. Толстой, какъ мыслитель, долженъ обратиться, потому что его жизнепониманіе, все его моральное ученіе требуетъ христіанскихъ, православныхъ посылокъ; но, прибавилъ владыка, едва ли

графъ обратится, какъ человѣкъ. И дѣйствительно, графъ утверждаетъ, что онъ вѣруетъ въ Бога — Духа, Бога — любовь, и думаетъ, что это соединеніе нѣсколькихъ названій вполнѣ выражаетъ его вѣру. Но что такое Богъ — любовь, если въ то же время Онъ не личность? Имѣетъ ли эта любовь вѣчное, всемирное значеніе, значеніе непреложнаго и всеобщаго закона міровой жизни, если нѣтъ Бога въ Троицѣ, въ которой любовь эта вѣчно дѣйствительна, вѣчно осуществляется? Не заимствуетъ ли Л. Н. терминъ отъ вѣры, имъ осмѣянной и оставленной? Точно также и относительно бессмертія и мздовоздаянія. Если нѣтъ личнаго, вполнѣ опредѣленнаго и сознаваемаго бессмертія, тогда нѣтъ, конечно, и никакой загробной участіи, нѣтъ никакого воздаянія, потому что природа всегда себѣ равна, она не умираетъ и въ общей суммѣ своей никогда не измѣняется. Кто же будетъ переживать и сознавать или, по крайней мѣрѣ, служить объектомъ ожидаемаго граffомъ мздовоздаянія и бессмертія? Опять Л. Н., отрицая церковныя понятія о бессмертіи и мздовоздаяніи, влагаетъ въ эти

слова однако тотъ смыслъ, сопровождаєтъ ихъ тѣми чувствами, какими эти слова сопровождаются только въ церковномъ пониманіи, и какія (чувства) не могутъ имѣть мѣста, если брать слова въ ихъ безличномъ смыслѣ, какъ ихъ въ теоріи (но не на практикѣ) понимаетъ гр. Толстой. Получается довольно странное положеніе: человѣкъ любить, молится, почитаетъ что-то, весь смыслъ своей жизни полагаетъ въ томъ, чтобы исполнять волю кого-то — и въ то же время упорно твердить, что этотъ кто-то или что-то совсѣмъ не имѣетъ ни воли, ни сознанія, что, слѣдов., ни почитать, ни любить его нельзя и, конечно, на любовь и правду его разсчитывать также нельзя. Помнится, В. С. Соловьевъ весьма зло осмѣялъ такую странную религіозность и жизнь по вѣрѣ: молиться предмету и просить помощи отъ предмета, который завѣдомо ничего ни сдѣлать, ни даже услышать не можетъ. Если признается возможность и необходимость молитвы, если основа жизни — любовь и Богъ, если человѣкъ долженъ исполнить волю Его, тогда этотъ Богъ — личный и живой, именно Тотъ Богъ, въ Кото-

раго вѣруетъ и Котораго проповѣдуетъ православная Церковь, и Котораго графъ теоретически отрицаєтъ. Моральное ученіе графа, т. о., должно бы привести его къ Церкви, но вотъ можно ли надѣяться на то, чтобы такъ это и случилось въ дѣйствительности? Святитель Тихонъ Задонскій однажды думалъ о томъ, какъ можетъ пастырь спастись, когда все время онъ долженъ думать о спасеніи другихъ. И вотъ онъ видитъ сонъ. Представляется ему, что онъ поднимается на высокую гору, поднимается съ трудомъ и усилиями, совершенно одинъ. Но вотъ является кто-то, начинаетъ ему помогать, потомъ подбѣгаetъ еще человѣкъ, и еще, и еще, пока наконецъ не собирается около него цѣлая толпа людей; всѣ они поддерживаютъ его, помогаютъ идти, почти несутъ вверхъ, и онъ уже не чувствуетъ прежней усталости и труда. Такъ ученики помогаютъ учителю восходить все далѣе и далѣе къ совершенству, укрепляютъ его въ данномъ направленіи. То же и съ графомъ можетъ быть, только въ обратномъ направленіи. Тѣ же ученики, которыхъ онъ увлекъ за собой изъ Церкви, теперь по-

служать для него величайшей помѣхой къ обращенію и покаянію. Ему обратиться теперь труднѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Но покуда онъ здѣсь, съ нами, покуда не пробилъ для него часть явиться предъ престоломъ нашего Судіи, до тѣхъ поръ мы еще можемъ надѣяться на милость Божію и можемъ молиться, и усердно молиться, да помилуетъ и да обратить Господь раба Своего, и да даруетъ намъ опять вмѣстѣ съ нимъ единымъ сердцемъ и едиными усты восхвалять Его святое Имя.

Сергій, Епископъ Ямбургскій.

23 мая 1901 г.
С.-Петербургъ.

ОТВѢТЬ Л. Н. ТОЛСТОМУ.

V.

Отвѣтъ Л. Н. Толстому.

Графъ Толстой въ первыхъ строкахъ своего отвѣта незавидную даетъ характеристику своимъ единомышленникамъ, какъ людямъ сомнительного съ нимъ единомыслія, т. е. не понимающимъ его ученія. Это замѣчаніе характерно для сужденія о толстовцахъ и поучительно для тѣхъ, кто мнятъ себя послѣдователями гр. Толстого . . .

Странно далѣе встрѣчать у графа Толстого, всегда и во всемъ презирающаго, какъ зло, законъ и основанную на немъ всякую организацію и форму, возраженіе о томъ, что постановленіе Св. Синода о немъ незаконно и не удовлетворяетъ правиламъ . . . И затѣмъ совершенно неправдиво его заявленіе, что будто-бы со стороны Церкви не было никакихъ попытокъ къ его вразумленію. Прежде

всего о законѣ и правилахъ. Что здѣсь имѣеть въ виду гр. Толстой — не соблюденное якобы въ отношеніи его? Увѣщаніе чрезъ благочиннаго, приводъ въ консисторію или посылку въ монастырь, подобно молоканамъ и штундистамъ? Но не онъ ли самъ и такъ недавно ратовалъ противъ примѣненія къ сектантамъ подобныхъ формъ и правилъ? Не одною мѣрою измѣряетъ графъ одни и тѣ же явленія, разъ дѣло касается собственной его персоны . . . А если ужъ говорить о законѣ, то мало ли сколько статей его не примѣнено къ яснополянскому лжеучителю, для которого по-истинѣ законъ не писанъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что постановленіе церковной власти о графѣ Толстомъ точно сообразовано съ основнымъ закономъ Церкви Христовой, преподаннымъ Самимъ ея Основателемъ (Ме. 18 гл., 15—18): „если братъ твой согрешилъ, пойди и обличи его наединѣ; если не послушаетъ, возьми одного или двухъ или трехъ свидѣтелей; если непослушаетъ ихъ, скажи Церкви, а если и Церковь не послушаетъ то да будетъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“. А также въ апостольскихъ правилахъ (Тим.

3, 10—16): „еретика человѣка послѣ первого и второго вразумленія отвращайся, зная, что таковой развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ“. Ап. Павелъ не только еретика, но грѣшника (кровосмѣсника) отлучилъ, „въ изнеможеніе плоти, да духъ спасется“. Такимъ образомъ Церковь законное право отлученія имѣетъ отъ Христа и апостоловъ. Послѣдующіе церковные каноны только подтверждаютъ это право, разъясняютъ практику и обставляютъ его извѣстною обрядностью. И въ древней Церкви отлучали отъ единомыслия съ вѣрными чадами какъ на соборахъ, такъ и простыми письменными свидѣтельствами предстоятелей Церквей.

Не понимаемъ, какъ могъ сказать графъ въ своемъ „отвѣтѣ“, что будто-бы не было никакихъ попытокъ, къ его вразумленію?! Что это, — измѣна старческой памяти? Въ опроверженіе этой неправды графа мы сошлемся на документальныя данныя и на живыхъ свидѣтелей этихъ попытокъ. Тульскій протоіерей о. Ивановъ и въ „Міссіонер. Обозрѣнії“ (май мѣсяцъ), и подробнѣе въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣемостяхъ (№ 8 за 15 апр.)

сообщаетъ о бесѣдахъ, направленныхъ къ вразумленію графа, еще покойнаго тульскаго архіепископа Никандра, который, въ отчаяніи отъ ожесточенія графа, молилъ Бога, чтобы ему умереть раньше Льва Николаевича и не быть свидѣтелемъ его нехристіанской кончины. Бесѣдовалъ устно и посыпалъ Льву Николаевичу нѣсколько писемъ увѣщательныхъ, оставленныхъ безъ отвѣта, и этотъ маститый, просвѣщенный пастырь — о. Ивановъ. Извѣстно, что, по распоряженію мѣстнаго епископа, къ графу для собесѣданія и обличенія его суемудріяѣздили въ Ясную Поляну покойный о. ректоръ Тульской семинаріи Романовъ и преподаватель докторатического богословія. Нынѣ имѣется письмо одного изъ именитыхъ дворянъ, сосѣда Толстыхъ по имѣнію, который, будучи возмущенъ этимъ неправдивымъ заявленіемъ „отвѣта“, свидѣтельствуетъ, что онъ самъ лично слыхалъ отъ Льва Николаевича недовольство на то, что тюремный священникъ, по приказу архіерея, надобѣдаетъ („все таскается“) ему, графу, своимъ бесѣдами.

Одинъ изъ тульскихъ священниковъ и самъ

писалъ намъ въ редакцію о своихъ посѣщенияхъ графа и о многократныхъ бесѣдахъ съ Львомъ Николаевичемъ, въ которыхъ послѣдній являлся не разъ безотвѣтнымъ противъ правды евангельской.

Высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ херсонскій, первый „повѣдалъ Церкви“ публично, съ каѳедры храма, о еретическихъ мудрствованіяхъ графа Толстого, которая предалъ въ одной изъ проповѣдей, какъ іерархъ, публичному церковному осужденію. Въ прошломъ году, при постигшей графа тяжкой болѣзни, высокопреосвященный Владіміръ, митрополитъ московскій, въ своихъ отеческихъ заботахъ о спасеніи души знаменитаго русскаго писателя, поручалъ вновь сдѣлать увѣщаніе графу чрезъprotoіерея о. С—ва, бывшаго законоучителя дѣтей графа. Послѣдній трижды былъ въ домѣ графа для увѣщательной бесѣды, но Л. Н. подъ разными предлогами (нездоровья, срочной правки корректуры „Воскресенія“ . . .) уклонился отъ свиданія и бесѣдъ съ почтеннымъ пастыремъ; графъ очень разсердился, когда узналъ, что о. С. посланъ къ нему іерархомъ. Въ первыя два

посѣщенія съ о. С. бесѣдовала о графѣ супруга его, графиня Софья Андреевна, и обѣщала даже, по совѣту о. С—ва, пригласить къ графу о. Ioанна Кронштадтскаго, а въ послѣдній разъ и она не вышла къ увѣщателю. Не говоримъ о частныхъ попыткахъ къ увѣщанію графа, предпринимавшихся духовными лицами, посѣщавшими графа (напр., мы знаемъ, что бесѣдовалъ съ Львомъ Николаевичемъ архимандритъ Антоній, нынѣ епископъ уфимскій), и мірянами (напр., изъ бывшихъ его единомышленниковъ С—ко), не говоримъ о литературномъ изображеніи заблужденій графа. Авторы обязательно присылали Льву Николаевичу свои труды, направленные противъ его мудрованій, но оказывается, что книги эти графъ и не разрѣзывалъ. Развѣ все это не попытки?

Такова истинная правда о „попыткахъ“.

Неосновательно далѣе Левъ Николаевичъ называетъ посланіе произвольнымъ за то, что-де его одного обвиняютъ въ невѣріи, когда такихъ, какъ онъ, много, „почти все образованное общество“. . . Въ обвиненіе „почти всего образованнаго общества“ много сказано.

Но дѣло не въ этомъ. Исторія показываетъ, что у всѣхъ еретиковъ всегда были послѣдователи, но Церковь на соборахъ своихъ отлучала только ересіарховъ и осуждала ихъ лжеученіе. Такъ поступлено и съ Толстымъ.

Очевидную неправду утверждаетъ графъ, заявляя, что будто бы ученіе его мало распространено, и людей, раздѣляющихъ его взгляды, не наберется сотни. А т. духоборъ-толстовцевъ, гибнущихъ теперь въ Канадѣ, развѣ графъ не считаетъ нынѣ уже своими? А сотни мужиковъ-павловцевъ, совращенныхъ кн. Хилковымъ, другомъ и ученикомъ гр. Толстого? А воронежскіе послѣдователи В. Г. Черткова? А сколько нынѣ въ числѣ штундистовъ и молоканъ раздѣляющихъ ученіе Толстого, графъ не знаетъ развѣ? . . . А этотъ, по словамъ самого же графа, „почти весь образованный міръ“? Нѣтъ, не сотни, а тысячи послѣдователей у гр. Толстого! . .

При общей характеристицѣ постановленія графъ считаетъ его „очень нехорошимъ“, „клеветой“, „несправедливымъ“ . . . Но, когда ниже говоритъ о каждомъ отдельно выставленномъ противъ него Св. Синодомъ обвиненіи,

онъ рѣшительно во всемъ сознается, — что онъ такъ именно вѣруетъ и мыслить, и тѣмъ подтверждаетъ безусловную справедливость постановленія.

Съ удивительнымъ для просвѣщенаго графа цинизномъ и легкомысліемъ, какъ не выражаются и мужики-сектанты, разсуждаетъ гр. Толстой о молитвословіяхъ нашего требника, обрядахъ и таинствахъ, которыми Церковь, какъ любящая мать, сопровождаетъ всю нашу жизнь, — называя все это ни болѣе, ни менѣе, какъ колдовствомъ. Нужно-ли возражать, когда всякий простолюдинъ знаетъ, что молитва и колдовство — два дѣла разныхъ, — одно есть служеніе Богу, другое совершается во имя и силою діавола, отца лжи.

Толстой въ требникѣ нашелъ тысячи заклинаній, а на самомъ дѣлѣ тамъ только и есть одно заклинаніе противъ „духа нечиста“ (діавола). Плохо же читалъ и понялъ Левъ Николаевичъ требникъ . . .

Тѣло наше — храмъ Бога живаго, а по Толстому, оно ненужная, противная вещь (дрянь) . . . Здѣсь также споръ излишенъ. Но нельзя обойти безъ замѣчанія того жал-

каго фарисейства, съ какимъ защищаетъ себя графъ въ томъ, что будто бы онъ никогда не заботился о распространеніи своего ученія, что писаль онъ свои богохульныя произведенія будто бы для себя только и никогда ихъ самъ не печаталъ (графиня печатала?), но лишь не скрывалъ своихъ сочиненій отъ желавшихъ познакомиться съ ними. Намъ софизмъ этотъ сейчасъ напомнилъ печальную исторію съ изданіемъ сквернаго политическаго памфлета Толстого („Николай Палкинъ“) однимъ пламеннымъ его послѣдователемъ. Допрошенной властью по поводу происхожденія этого разсказа, Левъ Николаевичъ точь-въ-точь далъ вотъ такое же софистическое показаніе, говоря, что-де онъ написалъ этотъ памфлетъ для себя, ради шутки, послѣ обѣда, и оставилъ на столѣ, а молодому человѣку разсказъ понравился и тотъ его издалъ. Скрывать-де не въ его, графа, принципахъ, противиться изданію — тоже противъ его правилъ. Такъ появился „Николай Палкинъ“. Дѣло кончилось для графа-то благополучно, — онъ остался спокойнымъ въ Ясной Полянѣ, а молодой человѣкъ попалъ подъ

надзоръ, тяготѣвшій надъ нимъ около 10 лѣтъ; перешуганная этимъ инцидентомъ графиня вдобавокъ съ тѣхъ поръ крѣпко затворила для этого поклонника двери своего дома. Такова исторія, извѣстная намъ документально. Комментаріи и здѣсь излишни . . . На этомъ мы и ограничимъ пока наши замѣчанія; читатели сами оцѣнятъ лживость и противорѣчивость ученія о безличномъ Богѣ толстовскомъ, логическую путаницу въ отрицаніи рая и ада и признаніи возмездія, въ отрицаніи таинствъ и въ признаніи смысла крещенія для взрослыхъ и брака по существу, въ ученіи обѣ елеосвященіи, которое графъ не обинуясь называетъ „колдовствомъ“, но о которомъ свидѣтельствуетъ апостоль, что они „мазаху масломъ многія недужныя“, — значитъ, колловствомъ еще занимались и апостолы, научившіе этому и ненавистныхъ графу нашихъ „поповъ“! . .

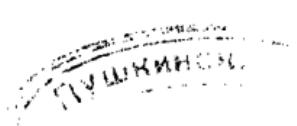
Въ заключеніе еще два краткихъ замѣчанія. Графъ Толстой въ своемъ *credo*, между прочимъ, говоритъ: „Я вѣрю въ то, что Онъ (Богъ) во мнѣ и я въ Немъ“. Но знаетъ ли яснополянскій сочинитель новой мнимо-христіанской „религіи разума“, что вѣдь это старый

тезисъ хлыстовскаго мистицизма? Впрочемъ хлыстовскіе делегаты бывали у графа, какъ онъ и самъ обѣ этомъ говорилъ недавно посѣтившему его въ Москвѣ одному собесѣднику-богослову.

Чѣмъ-то болѣзненнымъ вѣеть отъ горделиваго заявленія графа въ его „отвѣтѣ“: „я не говорю, чтобы моя (курсивъ вездѣ нашъ) вѣра была одна на всѣ времена истинна, но я не вижу другой, — болѣе простой, ясной и отвѣчающей всѣмъ требованіямъ моего разума и сердца“... А упомянутому собесѣднику Левъ Николаевичъ прямо заявилъ, что если бы разрѣшили ему напечатать всѣ его сочиненія о религіи, то отъ православія въ короткое время остались бы одни клочья. И это говорилъ лжеучитель Толстой пресерьезно... Что это — *mania grandiosa?*...

Да, и у великихъ людей отъ великаго до смѣшнаго и нелѣпаго одинъ шагъ.

В. Скворцовъ.

Издание Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

шидаръ

Нравственные задачи XX вѣка

Жизнь всѣмъ дана.

Цѣна 1 м. 50 пф.

Издание Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

РОССІЯ

НАКАНУНѢ ДВАДЦАТОГО СТОЛѢТІЯ.

* *

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна 2 мар.

Издание Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

БОРИСЪ ЧИЧЕРИНЪ.

ПОЛЬСКІЙ

и

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЫ.

ОТВѢТЬ НА ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА

Н. К. РЕННЕНКАМПФА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 1 мар.

Издание Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

О СМЫЛѢ ЖИЗНИ

МЫСЛИ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Собранныя

Владимиромъ Чертковымъ.

Не въ силѣ Богъ а въ правдѣ.

Цѣна 1 м. 50 пф.

Издание Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

**ПОСЛЕДНІЯ
РЕВОЛЮЦІОННЫЯ СОБЫТІЯ
ВЪ РОССІИ
и
ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.**

Цѣна 2 мар.

Издание Гуго Штейницъ, Берлинъ.

П. Н. ТОЛСТОЙ , Письмо къ поляку	—,60	Мар.
— —, Патріотизмъ или миръ?	—,80	"
— —, О непротивлениі злу	—,80	"
— —, Николай Палкинъ	—,80	"
— —, Плоды просвѣщенія	1,—	"
— —, Крестникъ	1,—	"
— —, Мысли о Богѣ	1,20	"
— —, Рабство нашего времени	1,50	"
— —, О смыслѣ жизни	1,50	"
— —, Христіанство и Патріотизмъ . .	2,—	"
— —, Царство Божіе, 2 части	6,—	"
 Б. ЧИЧЕРИНЪ , Польскій и еврейскій во- просы	1,—	Мар.
 ШИДАРЪ , Нравственные задачи XX вѣка	1,50	"
* * *, Россия наканунѣ двадцатаго столѣтія	2,—	"
* * *, Послѣднія революціонныя со- бытія въ Россіи и Левъ Толстой	2,—	"

—>::<— 463

C